

Арчаков Михаил Константинович

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена проблеме диагностирования проявлений экстремизма в деятельности общественных организаций и объединений. Особое внимание уделено выяснению специальных критериев для диагностики экстремистской деятельности. Автором предложен ряд критериев, позволяющих определять проявления экстремизма в деятельности общественных организаций, что, вероятно, может способствовать улучшению работы по противодействию политическому экстремизму в современной России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323.28

Политология

Статья посвящена проблеме диагностирования проявлений экстремизма в деятельности общественных организаций и объединений. Особое внимание уделено выяснению специальных критериев для диагностики экстремистской деятельности. Автором предложен ряд критериев, позволяющих определять проявления экстремизма в деятельности общественных организаций, что, вероятно, может способствовать улучшению работы по противодействию политическому экстремизму в современной России.

Ключевые слова и фразы: политический экстремизм; радикализм; агрессия; политическая идеология; насилие; общественная безопасность.

Арчаков Михаил Константинович, к.и.н., доцент

*Благовецкий государственный педагогический университет
vostok731@yandex.ru*

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ[©]

Проблема политического экстремизма в последнее время является одной из наиболее актуальных как для России, так и для мирового сообщества в целом. Политический экстремизм – сложное и многоаспектное явление, имеющее множество политических, социальных, экономических, психологических и прочих особенностей, которые, действуя в комплексе, обуславливают его масштабы и перспективы развития. Однако, как справедливо отмечает С. И. Чудинов, «российские и зарубежные ученые уже не раз обращали внимание на теоретико-методологическое затруднение в научной фиксации экстремизма как объекта исследования, связанного с относительностью его содержательного определения» [7, с. 196]. Так, зарубежный исследователь Роджер Скрутон определяет экстремизм как «приверженность к крайним политическим идеям», а также как «использование средств достижения таких политических целей, которые ущемляют права и свободы других людей» [1, с. 44]. Подобная трактовка в 1990-е гг. закрепились и в отечественной политологии [4, с. 400–401].

На современном этапе изучения политического экстремизма широкое распространение получило стремление ряда исследователей сузить определение данного феномена через использование различных критериев: нелегитимное насилие, идеология, деятельность, набор ценностных ориентиров и т.д. В тоже время, поскольку экстремизм проявляется как приверженность в политике к определенному виду крайним взглядам и действиям, довольно распространенным является определение экстремизма на основе критерия «деятельность» (экстремистская деятельность). Например, по мнению В. С. Мартынова, «экстремизм – это лишь вид различных практик, таких как геноцид, этноцид, терроризм» [2, с. 84]. На наш взгляд, слабость позиции В. С. Мартынова в попытке упростить проблему, объединив или даже подменив содержание экстремизма терроризмом, геноцидом, этноцидом и прочими политическими практиками. Более интересен подход П. Е. Суслонова, полагающего, что «политический экстремизм выступает как образ политического действия, ориентированного на достижение поставленной цели в условиях отсутствия приемлемых политических средств, которые бы могли упорядочивать, а не дестабилизировать отношения в обществе» [6, с. 179].

Кроме того, один из известных исследователей политического экстремизма А. Ю. Пиджаков, согласившись с большинством авторов, определяющих понятие «экстремизм» через критерий «деятельность – политическое действие», предположил, что «для характеристики текущего момента часто достаточно такой трактовки политического экстремизма как незаконной деятельности политических движений и партий, а также должностных лиц и рядовых граждан, направленной на насильственное изменение существующего государственного строя и на разжигание национальной и социальной розни» [3, с. 89].

Действительно, в самом общем видении, экстремизм – это деятельность (политическое действие) различных субъектов политических отношений, основанная на стремлении реализовать достаточно радикальные идеи и установки. Причем, как правило, эти идеи отрицают институциональные основы конкретного социально-политического устройства и призывают к его немедленному насильственному изменению.

В то же время на практике, в деятельности различных экстремистски настроенных общественных организаций и объединений, проявления экстремизма нередко не носят четко выраженного характера, что затрудняет диагностирование и своевременное реагирование правоохранительных структур на исходящую от них потенциальную угрозу государству и гражданскому обществу.

Поэтому необходимо применение четких критериев для диагностирования проявлений экстремизма в деятельности общественных организаций. Такими критериями, по нашему мнению, могли бы быть:

1) Наличие агрессивной реакции социальных субъектов на чрезвычайные исторические ситуации. Данный критерий характеризует устойчивую связь экстремизма с кризисными (экстремальными) ситуациями, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Поэтому экстремизм является в этом смысле нормальной (естественной) реакцией на критические ситуации, связанные с угрозой интересам, занимаемому

положению в социальной иерархии или вообще существованию различных социальных групп. Причем в данной критической ситуации могут оказаться как представители правящей элиты, так и политической оппозиции. Так, в условиях социальной революции, а это, безусловно, экстремальная историческая ситуация, агрессивную реакцию в виде совершения тех или иных экстремистских действий будут проявлять как революционные силы, так и контрреволюционные (например, массовый обоюдный террор в годы гражданской войны в России). Следовательно, экстремизм проявляется как агрессивная реакция определенных социальных сил, направленная за или против коренных изменений существующего социального порядка.

2) Осуществление определенной политической деятельности, обязательно связанной с применением нелегитимного политического насилия (простая приверженность к крайним взглядам, мнениям, оценкам не может считаться экстремизмом). Данный критерий подразумевает, что экстремизм проявляется через целенаправленные действия насильственного характера. Очень важно, что эти действия могут осуществляться как государством, так и представителями общественных организаций, движений, объединений с целью нарушения основ конституционного строя, завоевания государственной власти, возбуждения расовой, религиозной, национальной розни и т.д. Словом, проявления экстремизма связаны с политическими действиями, и данное понятие должно характеризовать именно определенный тип деятельности для достижения политических целей. Тогда как проявления открытой враждебности, неприязни, насильственных действий в других сферах общества должны интерпретироваться в соответствии с общепринятыми стандартами (правонарушение, преступление, нарушение моральных норм и т.п.).

3) Идеологическая обеспеченность экстремистских действий. Экстремисты не только отрицают инакомыслие и испытывают нетерпимость к сторонникам иных взглядов. Они стремятся апеллировать к каким-либо известным политическим идеологиям или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или иного учения или идеологии. Причем, как правило, экстремистские организации используют отдельные положения тех или иных идеологий, нередко добавляя к ним разного рода религиозные идеи, стремясь, однако, обосновать достижение именно политических целей. Религиозные доктрины, таким образом, выступают лишь для камуфлирования истинных целей экстремистских сообществ.

4) Публичность экстремизма. Как правило, большинство экстремистских действий имеет публичный характер. То есть публичность проявляется в стремлении экстремистов обратиться к широкому кругу людей с целью не только просто заявить о себе, но и расширить собственную социальную базу, а также оправдать свои действия некими чрезвычайными обстоятельствами (например, произвол властей, происки «врагов народа», борьба с неверными и т.д.). С этой целью экстремисты используют как собственные средства агитации и пропаганды (интернет-сайты, газеты, брошюры, листовки и т.п.), так и любую возможность обратиться к населению через интервью, выступления, статьи в различных СМИ.

5) Противоправность экстремизма. Данный критерий подразумевает, что экстремистская деятельность нелегальна и должна быть запрещена законом. Подобный признак может не только находить выражение в случае привлечения виновного лица к уголовной ответственности, но и применяться для определения экстремистских действий юридического лица, когда встает вопрос о его ликвидации или запрете деятельности. Этот критерий может применяться и к оценке деятельности государства, когда осуществляемое им насилие носит чрезмерный, избыточный и деструктивный характер, приобретает нелегитимные черты (например, насилие, нарушающее основные права человека негосударственных, но прорезимных структур).

6) Корпоративность экстремизма. За экстремистским действием по большей части стоит группа (сообщество). Проявления индивидуального экстремизма чрезвычайно редки. Но даже здесь, хотя бы в воображении экстремиста-одиночки, создается своя «идеальная группа», выразителем которой он себя представляет. Корпоративность характерна и для оппозиционного, и для государственного экстремизма. Поэтому экстремизм, как правило, проявляется как групповая (корпоративная) деятельность, имеющая характерное коллективное представление о достижении тех или иных целей и обоснованная экстремистской идеологией. Кроме того, конечным результатом этой деятельности представляется признание идеи превосходства определенной группы и господство ее морально-ценностных ориентаций.

На наш взгляд, данные критерии хоть и не могут отразить всю совокупность подходов и мнений относительно оценки сущности и содержания экстремизма, тем не менее, являются необходимым инструментарием для диагностирования данного феномена. Кроме того, такой подход позволяет более четко исследовать сущность политического экстремизма, а также решить задачу нахождения приемлемой, конкретизированной дефиниции этого явления.

В качестве примера возможного практического использования данных критериев рассмотрим решение Московского областного суда от 5 апреля 2011 г. о запрете деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» признаки экстремизма проявились в следующих чертах:

1) Наличие агрессивной реакции. В материалах решения суда приводится документ, подписанный руководителем «Духовно-Родовой Державы Русь» О. Н. Поповым, о придании смертной казни главного раввина РФ Б. Лазара, а также содержащий призывы к гражданам России о необходимости совершения убийств лиц еврейской национальности, якобы виновных в сложившемся тяжелом социально-экономическом положении в стране. Этот документ был направлен О. Н. Поповым в органы государственной власти и управления, в том числе и правоохранительные органы Российской Федерации, то есть получил публичное распространение. Кроме того, в документах данной организации провозглашались «идеи превосходства русской нации

и создания «славяно-арийского» государства, в том числе посредством репрессий в отношении инакомыслящих (т. 1 л.д. 43-71, т. 2 л.д. 109-144, т. 3 л.д. 30-79, т. 4-18, т. 19 л.д. 3-8, 11-20, 22-35, 37-52, 54-109)» [5].

Таким образом, данный критерий проявился в публично выражаемой агрессивной реакции представителей «Духовно-Родовой Державы Русь» на наличие, по их мнению, «врагов» (виновных во всех бедах) русской нации – лиц еврейской национальности, подлежащих физическому уничтожению.

2) Использование различных видов насильственных действий. Этот признак нашел подтверждение только в части применения духовного (морально-психологического) насилия, все остальные виды (физическое, уничтожение материальных объектов в политических целях) подтверждения в материалах дела не нашли. Так, многочисленные документы, рассылаемые представителями «Духовно-Родовой Державы Русь» в различные государственные органы, были направлены на возбуждение национальной и религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его национальной и религиозной принадлежности. Кроме того, в материалах, рассылаемых О. Н. Поповым (например, Указ № 113 от 13 января 2005 г.), содержались прямые угрозы («смертный приговор») в отношении представителей власти, участвовавших в принятии закона «о монетизации льгот» (т. 1 л.д. 85-99, 112-123, т. 2 л.д. 113-114) [Там же].

3) Идеологическая обеспеченность деятельности. Как следует из материалов судебного решения, организация «Духовно-Родовая Держава Русь» обладала собственной идеологией, обосновывающей политическую цель и средства ее достижения – «создание так называемого «славяно-арийского» государства путем насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации» [Там же]. Идеология данной организации носила эклектичный характер, соединяя различные идейные установки: национализм, расизм, национал-социализм и так называемое «родноверие» (неоязычество).

4) Публичность. В судебном заседании было установлено, что участники «Духовно-Родовой Державы Русь» осуществляли деятельность, «направленную на пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики или символики, сходной с нацистской до степени смешения, использовали публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, изготавливали и массово распространяли экстремистские материалы, занимались организацией и подготовкой указанных деяний» [Там же].

5) Противоправность. Данный признак в деятельности «Духовно-Родовой Державы Русь» проявился в различных нарушениях статей уголовного и административного законодательства. Так, например, согласно материалам судебного решения по ч. 1 ст. 282 УК РФ, за возбуждение национальной и религиозной розни привлекались и были осуждены руководитель организации О. Н. Попов (9 февраля 2006 г.), руководитель структурного подразделения П. А. Сарафанов (22 марта 2006 г.) и другие активные участники. К административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ за публичное использование нацистской символики в пропагандистских материалах были привлечены члены руководящего органа – Державного управления «Духовно-Родовой Державы Русь» – И. А. Чугайнов, Н. В. Андреев и Н. М. Лозинский.

Кроме того, Устав (Основной Покон – Закон) «Духовно-Родовой Державы Русь» под названием «Родовое Право» содержал положения, призывающие членов и сторонников организации к участию в подготовке и осуществлению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя РФ. Указанные положения, безусловно, характеризовали «Духовно-Родовую Державу Русь» как организацию, изначально созданную для осуществления противоправной деятельности.

6) Корпоративность. В ходе судебных слушаний было установлено, что «Духовно-Родовая Держава Русь» по организационно-правовой форме является общественной организацией, созданной по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в программных документах. Это нашло подтверждение как в бланках заявлений для вступающих в ряды организации, так и в наличии региональных структурных подразделений – филиалов, действовавших в 15 субъектах РФ и подчинявшихся единому органу управления – Державному управлению «Духовно-Родовой Державы Русь». Следовательно, «Духовно-Родовая Держава Русь» являлась добровольной и самоуправляющейся организацией, формирующей у своих участников коллективное представление о достижении поставленных политических целей – свержении существующего режима с последующим созданием «славяно-арийского» государства.

Таким образом, указанные нами критерии экстремизма нашли полное подтверждение в материалах судебного решения Московского областного суда о запрете деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Поэтому использование критериев для диагностирования различных экстремистски настроенных общественных организаций позволит более четко определять проявления экстремизма в их деятельности и существенно облегчит задачу своевременного реагирования всех субъектов антиэкстремистской деятельности на потенциальную угрозу общественной безопасности России.

Список литературы

1. Гетц Р. Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 2. С. 43-47.
2. Мартынов В. С. Умножение зла добром // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 84-92.
3. Пиджаков А. Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. 326 с.
4. Политология: энциклопедический словарь / ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Московского коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

5. **Постановление Московского областного суда о запрете деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» в связи с осуществлением экстремистской деятельности** [Электронный ресурс]. URL: <http://actoscope.com/cfo/moscowobl/moscow-sud/gr/1/3-32011-3-2272010-16052011-1866139/> (дата обращения: 16.03.2013).
6. **Сулонов П. Е.** Методологические основания и проблемы исследования политического экстремизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. 1. С. 176-180.
7. **Чудинов С. И.** Экстремизм: симулякр или онтологическая реальность? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. 1. С. 195-199.

DIAGNOSING MANIFESTATIONS OF POLITICAL EXTREMISM IN ACTIVITY OF SOCIAL INSTITUTIONS

Archakov Mikhail Konstantinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Blagoveshchensk State Pedagogical University
vostok731@yandex.ru

The article touches on diagnosing the manifestations of extremism in the activity of social institutions and associations. Special attention is paid to the identification of specific criteria for diagnosing extremist activity. The author introduces certain criteria allowing identifying the manifestations of extremism in the activity of social institutions, which probably will stimulate opposing political extremism in modern Russia.

Key words and phrases: political extremism; radicalism; aggression; political ideology; violence; public safety.

УДК 74

Философские науки

В статье рассматриваются особенности постмодернистской художественной коммуникации. Анализируются новые черты, появившиеся в межсубъектных отношениях современного художника и зрителя: изменение характеристики субъекта, дереализация действительности в творчестве и восприятии искусства, отказ от репрезентативности. Рассмотрение новых граней контакта художника и зрителя приводит к выводу о необоснованности прогнозов о «смерти искусства», о формировании нового типа художественной коммуникации на основе нового материала, форм и средств выражения.

Ключевые слова и фразы: художественная коммуникация; *homo aestheticus*; дереализация действительности; коммерциализация искусства; бессознательное; эффект присутствия; минимальное различие.

Бараш Любовь Александровна, к. филос. н.

Сочинский филиал Российского университета дружбы народов
libar3017@mail.ru

ХУДОЖНИК И ЗРИТЕЛЬ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ[©]

В одном из рассказов Марселя Эме героиня чудесным образом раздваивается. Перед удивлённым её мужем – две совершенно одинаковые женщины, в каждой из которых он узнаёт свою жену. А затем оказывается, что и копия героини обладает этим же свойством. И копия этой копии. И вот уже в Европе, Америке, Австралии – тысячи, миллионы женщин с одинаковой внешностью, сходными привычками, интересами. Стандарт. Массовость. Мода. Фантастический рассказ, но с философским смыслом. Это то, что происходит в современной культуре, захватывая все её области – материальную, духовную, художественную. Процесс омассовления, стандартизации, утраты идентичности, расплывания субъектности на мириады безличных песчинок.

Человек массы. Это он заполняет театральные и концертные залы, смотрит фильмы, читает книги. О манипулировании его сознанием написаны многие страницы. Проведена граница между «массовым» и серьёзным искусством, изучаются возможности художественной коммуникации в обоих этих типах. Но дело в том, что чёткой грани между человеком массы и потребителем серьёзного искусства не существует. И массовый зритель, пусть редко, но посещает оперный спектакль или серьёзную выставку. И высоколбый интеллектуал помимо своей воли слушает и смотрит то, что ему навязывают – «crazy music» по радио, сериалы по телевидению. Не всегда есть чёткая грань и между серьёзным и массовым искусством: в постмодернистских его вариантах чаще встречается симбиоз, жанровые и стилистические проникновения одного в другое. Поэтому о современных художнике и зрителе можно говорить только с антропологически-эстетических позиций, определяя и того, и другого как *homo aestheticus*, и ставить следующие вопросы: каковы особенности постмодернистского творчества и восприятия? Означает ли миф о смерти искусства невозможность художественной коммуникации? А если она всё же осуществима, то содержит ли в себе возможность эстетического развития человека?